

—Итак, я остался дома, в Томск не поехал, передал все материалы по докладам Коренькову, а наши чуть ли не все поехали туда. Перед началом летних отпусков все основные дела на работе были завершены, отчёты написаны, в планах оставалась только эта двухнедельная поездка. И вот теперь, когда она отпала, у меня неожиданно образовалась уйма времени, и меня осенила мысль: а не начать ли писать докторскую? До сих пор я подумывал об этом лишь в принципе. Дело это долгое. Но если за него вообще браться, то начинать - сейчас самое время.

—И я решился.

—Набросал план. Сашуля привезла из кирхи картотеку, и я начал составлять список литературы с нумерацией, чтобы сразу делать ссылки, а потом взялся за обзор. И пошло, поехало. Два года почти писал, чуть меньше. Параллельно включал новые результаты. Были периоды, когда совсем не писал, получал эти самые новые результаты. Но это я забежал вперёд. Вернёмся в июнь 1978 года.

—Гипс на ноге я носил дней пять, а потом скинул. Боялся, что опять подвижность сустава ухудшится. А через две недели, 1-го июля, уже снова был на рыбалке. Поехал на Прохладную, в Ушакове. С утра увидел там парней, которые тащили садок с несколькими угрями, поймали на донки ночью. Я же рассчитывал, как обычно, на плотву. Но плотва не брала, поймал пять штук да попалось несколько окушков на червя. К обеду же и вовсе всякий клёв прекратился.

—Было жарко, 23°, безветренно. Я сидел на стульчике, без особой надежды пялился на неподвижные поплавки. Вдруг один из них не быстро как при окунёвой поклёвке, но решительно пошёл под воду и скрылся из виду. Я дёрнул удилице, леса натянулась как при зацепе, удилице выгнулось дугой. Я и подумал сначала, что зацеп. Но натяг не ослабил, чувствую, что вроде подаётся. И вот на поверхности закрутилось что-то зеленоватое. Щурёнок, что ли? Подтягиваю к берегу - угорь! Взял на червя со дна, середь бела дня - в три часа (угорь обычно кормится ночью). Я аж вспотел. Угря мне ещё ни разу не доводилось вытаскивать. А тут, как на грех, тащить через траву и какое-то бревно приходится. Но протащил и выкинул на берег. Заглотил он крючок так, что пришлось поводок отрезать. Хороший угорь, граммов на шестьсот. Домой я его привёз живого и положил в миске в холодильник, а миску накрыл крышкой.

—Утром Сашуля полезла в холодильник, открыла дверцу и... заорала с испугу: ей на ноги шлёпнулся угорь. Он был ещё живой, вылез из миски и забрался на полку дверцы, откуда и свалился, когда Сашуля её открыла. Я приколол беднягу, содрал чулком с него шкуру, разрезал на куски, но и эти куски продолжали изгибаться на доске, а потом на сковородке. Впоследствии, я пойманных угрей совал сразу в морозилку, иначе не дождёшься, когда заснут, а убивать их встряхиванием у меня что-то не получалось: вроде затих, а потом опять оживает.

7-го июля мы с Сашулей и Иринкой отправились в Севастополь. В последний раз, как оказалось, при жизни нашей мамочки.

Летели самолётом. В симферопольском аэропорту нас встречал дедуля, машины не было - Милочка с Павлом на ней уехали в командировку в Зеленодольск, до Севастополя в этот раз мы добирались на автобусе, дедуля загодя взял билеты.

Дома нас встречали бабуля, наш сын и Ромашка. Сын нас ещё не забыл и очень нам обрадовался. Мама сетовала, что не смогла нас встретить на машине, ругалась на Милочку с Павлом, которые опять оставили её в жару с детьми без машины.

Мама, вернувшись из поездки по родственникам и привезя с собой Митю, начала принимать гостей - "дачников", которых она приглашала во время своей поездки. В мае у неё почти весь месяц гостили дядя Вова с тётей Тamarой, в июне - столько же Колька Мороз, мой двоюродный братец, с женой Ниной и сыном Егоркой. Теперь приехали мы, а

через три дня ждали Любу с Андрюшкой. Потом, когда вернулись из командировки Милочка с Павлом, в квартире собрались: мама с папой, трое детей, зять, невестка, четверо внуков - 11 человек, Жорки только не хватало. Спали вповалку на всех спальных местах и на полу, ставили раскладушки и раскидывали кресло-кровать. Проходить в туалет ночью нужно было осторожно, чтобы не наступить на кого-нибудь.

— Мама очень любила, когда все дети и внуки съезжались вместе, для неё это был настоящий праздник. Но в этот раз праздник был какой-то невесёлый. Когда приехали Люба с Андрюшкой, и мы собрались вечером за столом, выпили за встречу, за хороший отдых, мама вдруг завела разговор о папе, стала жаловаться на него (в его же присутствии), но не конкретно, а как-то вообще, с множеством многозначительных намёков, из которых следовало, что папа её никогда не любил, никогда не понимал, не ценил, не сочувствовал, ничем он не интересуется, и пусть дети теперь рассудят...

— Впечатление было очень тягостное. Отец молчал или бормотал:

— Ну, что ты, мамочка!

— Всё это напоминало мне то, что уже было в наш последний приезд в Севастополь в 74-м году. Только тогда это случилось под конец нашего пребывания, а теперь уже с самого начала. И опять я возмущался, кричал на маму, стучал по столу кулаком, потом мы вместе с ней курили на балконе, и мама, совсем опьянев уже, бормотала:

— Ты, Сашенька, ничего не понимаешь...

— Да, я ничего не понимал. Прожить столько лет бок о бок, вырастить троих детей, которых оба любили и которыми гордились, вынуждать четырёх внуков и возненавидеть (да, это уже было похоже на ненависть!) отца своих детей и деда внуков... Непостижимо!

— И почему-то маме мало было ссор с папой наедине, ей непременно нужно было упрекать его при детях. И она взывала к нам как к судьям, но обращалась при этом к папе:

— Вот пусть они знают, какой ты есть, мне надоело скрывать от них, пусть они рассудят.

— Мы с Сашулей, Любой, Иринкой, Андрюшкой и Митей ездили теперь на море общественным транспортом, в толкотне, по жаре, с пересадками, добираясь до Омеги или Учкучевки за час с лишним и вспоминая те прекрасные времена, когда нас на машине, набитой битком, возила бабуля. Митя в этом году на море был впервые, к купанию интерес у него ещё не прорезался. Катера, паромы - это да! На пляже он всё время ковырялся в песке, согнувшись в три погибели, весь день на корточках, играл с машинками и никаких хлопот не доставлял. В этом он похож был на Андрюшку, который и в свои девять лет купаться не любил, плавать не умел, воды боялся и предпочитал играть на песке с машинками, проявляя незаурядную фантазию и изобретательность.

Сашуля, Иринка, Люба, Митя, Андрюшка и я на пляжах Учкюевки и Омеги, июль 1978 г.

— Совсем другое дело - Ромка. Неудержимый непоседа, за которым нужен глаз да глаз, непослушный, изнывающий от необходимости находиться в одном месте, не умеющий играть с игрушками, хватающий то одно, то другое, но быстро ко всему остывающий. В воду залезет - из воды не выгонишь, хотя плавать ещё не умеет.

Ромка и Митя, июль 1978 г.

— Братъ с собой мы его зареклись, и он сидел дома с бабулей. А тут заболел. Температурил, болела голова, потом стал жаловаться что не может на пятку ступить. Бабуля вызывала врача, температуру сбили, но на пятку Ромка по-прежнему старался не наступать. Бабуля пошла с ним в поликлинику и там её оглоушили:

— - Есть подозрение на полиомиелит.

— - Как? Что? Да что вы!

— Стали разбираться с прививками, что-то было сделано не так. Бабуля была в отчаянии. Я её ещё такой не видел - на грани паники. Сколько она всяких болезней пережила и детей, и внуков, один Андрюшка чего стоил, и всегда держалась хладнокровно, действовала решительно, хотя и переживала больше других. Разве что, когда Митя болел, её реакция была несдержанной. Но тут...

— Начались метания по врачам, от одного к другому. Страшный диагноз отвергли, но мама все никак не могла придти в себя. Как-то дома она возмущалась врачихой из поликлиники, так напугавшей её. Тут с чем-то не согласилась Люба, они заспорили, ввязалась Сашуля, и все трое долго не могли остановиться, и уже заехали Бог знает куда, и всё на повышенных тонах, чуть до истерики маму не довели.

— Тягостные ощущения я испытывал, но не вмешивался. Люба и Сашуля были правы в том споре, а мама нет, но чувствовалось, что она сверхперевозбуждена, и весь спор уже не спор, а излияние эмоций, и надо остановиться, успокоиться, но мама не может, а у этих двоих ума не хватает. И я не вмешался, не утихомирил...

— В связи с болезнью Ромки мама вызвала Милочку телеграммой. Они с Павлом прилетели самолётом, но всё страшное к этому времени было позади. Ромка быстро поправлялся.

(продолжение следует)